

В.И. Самохвалова

ИДЕЯ СВЕРХЧЕЛОВЕКА В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ

Проблема сверхчеловека включает в себя рассмотрение возможных путей развития человека, его самоосуществления в направлении реализации всей полноты его способностей, возможностей, представлений об идеале. В то же время это и способ рассмотрения совокупности возможных подходов к пониманию актуальных проблем бытия и человека, адекватного миру и необходимого для его развития.

Ключевые слова: сверхчеловек; самоосуществление; актуальные проблемы современного мира; выбор путей развития.

Statement of problem of the superhuman (sverchelovek) is a way to consider a question of what has to be thought the true human being in his authentic interpretation, in completeness of his human self-implementation. This is actual problem of modern culture, of modern world, because it is the choice of ways of future indispensable development of the human, society, of the world in general.

Keywords: superhuman; human self-implementation; actual problem of modern world; the choice of ways of future indispensable development.

Современный мир переживает пору как глубоких изменений в структурном отношении, так и трансформаций в сфере общественного сознания и общественных отношений, в способе понимания человека, который адекватен миру и потребен для общества. Как в таком изменчивом и неустойчивом мире, где порой особо подчеркивается готовность отказаться от традиционных ценностей и норм, от привычных представлений и принятых форм организации жизни, должен чувствовать себя человек – при всем *выравни-*

вающем воздействии современного образа жизни порой сохраняющий некоторые разделения, различия, спецификации: культурные, возрастные, образовательные, имущественные, социальные и т.п.? Что в условиях современного противоречивого бытия общественного человека происходит с его внутренним миром (и в нем самом), как формируется его восприятие внешнего мира, с его темпом изменений и их содержанием? «На высоте» ли оказывается (или остается) здесь человек? Как он видит сам себя, кем себя считает и каким *хочет* себя видеть?

Вопрос представляется чрезвычайно важным, поскольку ответ на него может означать выбор перспективы развития не только человека, но и общества, и мира. Человек есть особое существо, особое бытие, особое явление, и с ним, как известно, начинается и особый этап в развитии мира. Логика эволюционного развития человека предполагает прежде всего развитие его широко понимаемых человеческих качеств, выделивших его из мира и способных продолжать свое развитие в таком направлении, темпе и качестве, как это захочет определить сам человек. В частности, человек способен осуществить заложенный в нем высший замысел (например, воплотить божественную идею человека), он, будучи способен к высшей ответственности, осознает это как долг (или как одну из альтернатив?) и готов осуществить в себе высшего (должного) человека.

В то же время, в контексте современных реалий и настроений, волею объективных (человек вправе выбирать, насколько он согласен с этим) процессов омассовления общества произошло снижение требований в плане лучших человеческих качеств и были разбужены и актуализированы те, что казались изжитыми и даже до поры до времени никак не обнаруживали себя. Однако в обществе современных дезориентированных и потерянных (имеется в виду внутренний конфликт в результате несовпадения ожидаемого и имеющегося, не говоря уже о скучной пестроте культурного фона и безнормативности как внутреннего восприятия, так и внешнего бытия) людей они оказались стимулированы в направлении актуализации именно худшего в их душах. Востребованными оказались далеко не лучшие человеческие качества, и сам человек уже начинает привыкать к себе как к человеку-функции в достаточно узко определенном контексте функционирования. Он забывает о своем человеческом призвании в мире и своей божественной душе, духовной природе (какие, однако, инородные и неактуальные поня-

тия...), он впадает в низшие состояния своего человеческого естества, притом что в пестроте бесконечно длящегося независимо от него «спектакля», которым живет общество «распыленного зрелища», анализ и критика которого даны Ги Дебором (Дебор, 1999, с. 20–60), перестает задумываться о «высших материях». Преуспевание, деньги, быть на виду, иметь успех, разнообразный фастсекс по типу фастфуда и т.п. – убогий список сомнительных «высших ценностей» современного типичного человека. При этом на нашем ТВ интересный брюнет хорошо поставленным голосом уверяет: «Ты свободен». Замечательно. Но свободен – для чего? Неужели для реализации всего этого убогого набора (выгодно продать – выгодно купить... и по новой до бесконечности...)? Современный человек, отдающий предпочтение видимости перед реальной действительностью, становится отнюдь не романтиком, а игроманом по сути и характеру, переставая уметь серьезно воспринимать даже собственную жизнь.

В контексте этого довольно унылого «пейзажа» попробуем обратиться к термину «сверхчеловек», хорошо и давно известному нам из истории развития человеческой культуры, из художественных образов героев и сверхгероев в искусстве, из представлений древних ученых и мистиков, из построений философов разных направлений и пониманий феномена человека. Что может в *настоящее* время означать подобный термин – особую реальность, особое понимание пути и назначения человека, особое видение содержания и цели самого человеческого развития – или, наконец, обозначать совокупность проблем, встающих перед современным человечеством, которое надеялось бы сохраниться и выжить в Космосе через осознание подобной проблемности и сознательного и целенаправленного построения *идеального* человеческого существа, которое сможет *пожелать и посметь* осуществить извечные человеческие мечты о достойной человека жизни, о победе духа и разума над смертью, об истинном бессмертии *человека-творца*, создающего новую реальность добра и справедливости для Космоса?

В то же время, конечно, выбор данной темы для *современного* дискурса может показаться непонятным, неуместно-несвоевременным и т.п., ибо не говоря уже о наличии некоторой неоднозначной репутации у самого □ этого понятия и наличии неких его тенденциозных толкований, оно еще представляется и сомнительным по содержанию, и даже вызывающим: о каком сверхчеловеке можно

говорить в *современном* обществе, в контексте *современной* культуры, когда общество в большинстве своем не только представляет собой слабо структурированную толпу анонимно-безликих, одинаковых массовых людей, но и подчеркивает некую свою идейную «флэшмобность», т.е. способность к бесцельным и бездумным акциям в толпе.

Современная жизнь при всей ее внешней заполненности порождает ощущение пустоты, отсутствие перспективы реального движения и изменения, человек движется в замкнутом круге утомительных, но практически не значимых дел и обязанностей. И действительно, наше время, некоторыми уже не без основания называемое *безвременьем*, в самом деле может показаться не самым удачным моментом для постановки проблемы сверхчеловека (даже вне зависимости от способа трактовки); однако при этом становится уже очевидным, что это момент – уже более неотодвигаемый, когда становится просто необходимо говорить о человеке, о самом содержании, смысле и потенциале этого понятия, о смысле и перспективах самого человеческого бытия. Если, конечно, мы хотим сохраниться *людьми* в бытии мира...

Действительно, возможно, что ныне, как это уже бывало неоднократно в истории человечества, мы оказались перед важнейшей проблемой принципиального определения пути своего дальнейшего развития. Ведь ныне все чаще – и опять же не без основания – говорят уже о постчеловеке (Самохвалова, 1999, с. 20–27), о последнем человеке, о человеке трансгуманизма, даже об *исчезновении* человека (Hardison, 1990, с. 5). В полемическом контексте говорят о человеке – в его идентичности, в его традиционно понимаемой полноте – как об *уходящей* натуре. Во всяком случае, как о фигуре сомнительной (по ее бытию, возможности, даже самой надобности в ней), необязательной, даже в некотором смысле излишней, которая просто растекается в современном информационном контексте; будучи дисперсирована в окружающий «Интернет вещей», становится как бы ненужной (в своих прежних целезадающих функциях и познавательных возможностях) в современной умной *бесчеловеческой* среде со все более определенно оформляющимся всепронизывающим среду безличным «фоновым интеллектом». Коротко говоря, мы наблюдаем, что прежняя идея сверхчеловека – пусть неоднозначно понимаемая, толкуемая и порою воплощаемая – реально трансформируется в действительно некоего массового пост-

человека. Постчеловека – потому что его покинули вера в добро, в принципы, в ценности, в должное, в устремленность к лучшему и высшему, в желание и возможность развития: все то, без чего нет собственно *человека* как такового. Который, если мы помним, некогда «звучал гордо», будучи указанием на должного человека, а девизом его были слова известного Сани Григорьева из «Двух капитанов», звучащие как пароль: бороться и искать, найти и не сдаваться.

Возвращаясь к современной реальности, к наличествующему в ней на настоящий момент человеку, нельзя не отметить в его настроениях и в самом духе современного искусства некое ощущение пустоты, отстраненности, даже обреченности, в контексте разговоров о *самоэволюционирующей* (как бы без участия человека) технике, о характере современного творчества, когда человеческое участие в нем начинает сводиться к построению общей схемы развития сюжета, все остальное же возлагается на так называемые машины-доводчики; Ж. Бодрийяр, в частности, говорит, что в эпоху Интернета творческий труд заменяется легким делом поиска готовых решений на «складе» Интернета (Бодрийяр, 2000, с. 45, 171). Сохранить нормальное самоощущение в полноте человеческих качеств может действительно только тот, кто уже истинно *по-своему* есть в чем-то сверхчеловек. Ведь если не относиться ко всем приведенным случаям как к очередным «модным фигурам речи», то возникает мысль о том, что человек в подобном контексте умышленно «выносятся за скобки» даже как некое общее *смысло-задающее* «устройство», необходимое для разумной жизни мира, и это выглядит достаточно провокационно в плане насущной необходимости делать соответствующие выводы: определять общие стратегии и строить адекватные, возможно, весьма непростые тактики поведения.

Поэтому соображения о неактуальности проблемы человека в его движении и развитии (тем более проблемы сверхчеловека как некоего «альтернативного» способа возможности ее решения), во-первых, обычно только *представляются* обоснованными, само же возможное замечание по поводу несвоевременности темы кажется справедливым, во-вторых, лишь на *первый* взгляд. Проблема сверхчеловека имеет давнюю историю, а ее обсуждение – серьезную философскую традицию, подкрепляемую именами известнейших мыслителей, целой галереей созданных искусством образов сверхлюдей разного типа, содержания, уровня, предназначения,

разного способа оценки и разного, порой противоположного, «знака ценности»... Всё это объясняется тем, что проблемы человека и сверхчеловека неразрывным образом (и вполне естественно) связаны, сама же проблема человека как такового сохраняла для него интерес на всем протяжении существования человеческой культуры и будет оставаться актуальной, пока актуален (т.е. пока существует) сам человек – в самых разных его проявлениях и самоощущениях. И пока он существует – и, в частности, для того чтобы и *продолжал* существовать – в своей сложной, одновременно и постоянной, и постоянно уточняемой (возможно, расширяющейся) идентичности, – необходимо знать (следовательно, определить), в чем состоит эта его *идентичность*, позволяющая утверждать, что человек по-прежнему есть собственно человек, что он (пока) не ушел из бытия в своей человеческой особости и специфике, своей бытийной неповторимости, своей незаменимости и ответственности, что он не переродился (и окончательно не выродился), не подменен злокозненными интригами каких-либо космических пришельцев (разговор о которых становится актуальным в последнее время в контексте обсуждения представляющей все более реальной возможности космических путешествий или даже космических интервенций и межпланетных или даже и межгалактических войн) и т.д., и т.п.

А пока нам нередко доводится испытывать шок от некоторых, например, кадров военной хроники, террористических актов и т.п.: неужели все это делают *люди*, действительно люди, или это уже действительно существа какой-то *другой природы*, неведомых науке побочных ветвей эволюции? Ведь ныне, например, вопрос нередко встает даже уже не только о размерах гуманитарной катастрофы, но об обрушении самих исконных человеческих представлений о добре и зле, о мере допустимого для *нормального* человека, об утрачиваемой опять же *нормальным* человеком способности чувствовать «чужое» страдание, о справедливости, апеллирующей к *совести* как сугубо, специфически, показательно человеческому качеству. Известно, что совесть традиционно трактуется как глубоко прочувствованное и ощущаемое, интимно переживаемое осознание человеком своего единства с миром, внутреннего родства и с ним, и с окружающими людьми (положение, объединяющее в культуре философскую этику и христианство), и потому религия, например, считает совесть выше каких-либо идей, ибо идеи прехо-

дящи, совесть же неизменно выступает *центральной осью*, связывающей всех людей в едином ощущении ими и общей своей связи, и общего смысла бытия их как родовых существ, и некоей безусловной правды, которая существует или должна обнаружиться и осуществиться. Однако, что странно, из сферы современной науки оказалась почти полностью элиминирована традиционная этическая проблематика, даже в вопросах, непосредственно затрагивающих перспективы существования человека.

И, кроме того, совсем уходит из обсуждения проблема должного, проблема идеала. Отсутствие героя, без которого общество становится безликой, не имеющей духовно-человеческого измерения толпой, уже начинает ощущаться в функционировании не имеющей и подлинной человеческой индивидуальности современной «цивилизации», по выражению А.Н. Павленко (Павленко, 2008, с. 75–86), который утверждает, что *сам по себе* технический прогресс еще не означает развития человека как индивида, как личности, просто человек начинает привычно и бездумно оперировать более широким набором более сложных приборов и механизмов и сам становится (все более) «машиносообразен». Эта бесформенная текучесть бездумно функционирующей массы, которой ничто не сообщает ни смысла, ни сугубо человеческого измерения – тем более не предполагает ни осмысленной цели собственно человеческого развития, ни специфически человеческой духовной наполненности жизни разноречивой толпы «квалифицированных потребителей», плывущих по инерции, – как бы по определению не подразумевает появления исключительных личностей, будучи материально безлика и духовно безгеройна.

Мир маленьких людей с маленькими интересами и мелкими проблемами, с мелкими ценностями и устремлениями, маленькими мечтами и желаниями, мелкими играми и целями все чаще становится как непосредственной реальностью, так и предметом современного искусства: так, С. Минаев весьма красноречиво называет свою книгу «Духless. Повесть о ненастоящем человеке» (12). Подобная атмосфера и подобное настроение от безысходности и безвыходности пребывания в маленьком мире передаются всем повествованием и в недавней книге В. Брагина «Поколение €700» (Брагин, 2010) через созданный автором образ типичного представителя современного массового слоя, «топ-лузера» – разновидности массового человека, выступающего противоположностью «виннеру»

(победителю) и смирившегося со своим вечным, неустранимым, неисправимым, как бы «назначенным» ему «потолком» возможностей, не находя нравственных сил на какую-либо альтернативу... Ощутима при этом как бы перекличка с созданным В. Пелевиным (Пелевин, 2007) известным романом «Generation P» (дающим общемассовое среднестатистическое представление о типичных чертах численно преобладающего «поколения “Пепси”»).

В свое время в подобную же монотонную атмосферу современного ему буржуазного общества с его бездуховностью и лицемерной моралью, перед лицом «растекания» качественного содержания человека, в неподготовленное сознание филистерского мещанского большинства Ф. Ницше буквально *вбрасывает* свою идею и созданный им образ сверхчеловека. Эпатируя и даже шокируя обывателя непривычной резкой определенностью, полемически заостряя качества своего героя, Ницше рисует образ, сразу ставший как бы вызовом обществу, в котором многие были склонны с некоторым опасением усматривать определенные черты античеловека... Однако *истинный* смысл его идеи сверхчеловека был направлен все-таки против подобного неадекватного понимания созданного им образа как *представляющего* его героя античеловеком. Желая создать образ человека активного и ответственного, Ницше в некой эпатирующей, хотя как бы и в неявной, непрямой форме ставил вопрос о *качестве* современного ему человека, о его способности быть и оставаться человеком в сложных обстоятельствах и неблагоприятных (при всяком возможном способе толкования) условиях, имея в себе и являя миру внутреннюю твердую духовную основу для сопротивления и действия. Герой Ницше представлен несколько тенденциозным способом отчасти еще и потому, что именно *в сравнении* с его сгущенными, гипертрофированными характеристиками публике будет легче прийти к адекватному пониманию истинной сути и смысла как реально сущего, так и реально должного.

Наименованием для такого сущностного облика, поднимающегося над прежним людским складом человечества, выступает термин «сверхчеловек». Следует сразу подчеркнуть, что под таковым Ницше понимает не какую-то отдельную человеческую особь, в которой способности и намерения всем известного обычного человека гигантски умножены и возвышены. Слово «сверхчеловек» есть наименование *сущности человечества*, которое, бу-

дучи человечеством нового времени, начинает входить в завершение сущности его эпохи. Только лишь *сохранение* жизни в неизменном качестве в инерционной перспективе означает тенденцию к деградации. Действительная же цель жизни – в возрастании (возможностей, проявлений...), в усилении (качеств, проявляющих глубину природы и реализацию «замысла о человеке»). Живой и живущий хочет усиления, возрастания, возвышения жизни. Ибо это есть естественное качество здорового живого – не одно лишь сохранение, но развитие, усиление, возрастание...

В *существующей* ситуации, когда разговор о человеке, его содержании, его возможности (и необходимости) выступить в качестве творческого сверхчеловека становится *неизбежен*, хотелось бы обратить внимание на особое, хотя порой весьма неявно (или сложно опосредованно) выступающее, этическое измерение содержания сложной проблемы сверхчеловека. В частности, на существенное различие между *понятием* «сверхчеловек», ницшевским *образом* сверхчеловека или фрейдистским *термином* «сверх-Я». Если ницшевский образ полемически, даже вызывая заострен¹ в некоторых своих проявлениях (хотя это не столько аморальность, как считают некоторые, сколько порой специфически экзальтированный имморализм), то понятие «сверх-Я», во-первых, авторитарно и самоцентрировано, во-вторых, несмотря на ожидаемое содержание, этот термин во всей внутренней природе человека главным образом учитывает отнюдь не *сверх-*, но как раз *до-*, т.е. бессознательные и *предсознательные* побуждения и обусловленности. В целом все такие и подобные им аспекты создают определенные трудности для адекватного понимания и современного человека, и человека выступающего (готового или даже до□лжного выступить) ему антиподом, который заявляется как сверхчеловек².

Определенную трудность в трактовке проблемы сверхчеловека представляет также то, что в самом значении этого понятия, кроме необходимо конститутивных *этических* коннотаций, при-

---

¹ Философия Ницше неизменно облачена в боевые доспехи, демонстрируя подчас экстаическую стремительность и натиск. Его позиция выступает своего рода антитезой взвешенной позиции весьма уважаемого им Гёте, который как бы увещевает: «*Но ввысь не надо / Без меры влечься! / Смотри, не падай, / Не изувечься...*».

² Более подробный анализ этой проблемы, понятия сверхчеловека и его освещения в литературе см.: (Самохвалова, 2015).

существует и осязаемая смысло-понятийная двойственность, и потому необходимо указать, когда эти два значения уравниваются, а когда разводятся, ибо начинают обозначать разные направления движения мысли (а возможно, и связанные с этим направления предметной активности). Так, в *первом* случае понятие «сверх» означает высшую степень присутствия какого-либо качества, например: сверхточный (предельно точный), сверхпрочный (максимально прочный) и т.п. – *внутри* тех рамок, которые определяют идентичность объекта, его принадлежность к классу аналогичных объектов. Во *втором* случае понятие «сверх» означает как бы преодоление самого этого качества через превосходство его в устремленности к иному, более высокому одновекторному качеству, уровню или состоянию; в этом случае качество выходит за рамки, за пределы идентифицирующего его определения, занимая место «над»; например, сверхурочная работа (за пределами отведенного времени), сверхрешение, т.е. нахождение решения, выходящего за рамки возможно предполагаемых вариантов. Так, можно подниматься над *собой*; над какими-то *людьми*; над *обстоятельствами*; над внешней *природой*; над своей *собственной* природой. Иными словами, существует некое методологическое различие между процессами изменения и преобразования; так, при *изменении* – в любой его степени – объект остается тождественным сам себе, т.е. хотя и измененным, но тем же самым, тогда как при *преобразовании* объект становится другим, иным в целом, способным к отрицанию своего прежнего не только состояния, но и даже самого бытия.

Поэтому проблема во многих отношениях оказывается достаточно сложной, ибо предполагает необходимое приобретение человеком и многих качеств, которые в определенной степени изменяют его прежний статус, но одновременно важно, чтобы чаемый многими поколениями мыслителей-мечтателей, романтиков и максималистов высший человек, сверхчеловек¹ не оказался при этом неким вышедшим за пределы *всего человеческого* созданием (а может быть, даже уже и своего рода монстром, узурпатором, терминатором и т.п., ведь не случайно такие создания все чаще

---

¹ Можно сказать, что при всем различии представленных – и содержательно, и художественно – образов героев и «Мцыри» М.Ю. Лермонтова, и «Казнь Степана Разина» Евг. Евтушенко, и «Заповедь» Р. Киплинга – это в определенном смысле песни о сверхчеловеке.

фигурируют и в современных произведениях искусства и тем более в судебной хронике). Иными словами, изменившись, сверхчеловек должен оставаться человеком в своем максимально возможном, усовершенствованном и как бы облагороженном человеческом качестве. Более того, человек и тем самым человечество, по мнению А.Г. Маслоу, необходимо должны становиться лучше, иначе они окажутся стерты с лица земли или будут жить под постоянной угрозой исчезновения (Маслоу, 1997, с. 32).

В связи со всем этим, в частности, представляется актуальным и установочно важным разговор об *аутентичной* природе человека и о конститутивных ее составляющих, о возможности определить меру присутствия того или иного качества в его норме и в случаях ее превосходжения, о нравственно-этической оценке характера и цели подобного превосходжения. При этом становится все более актуальным способ самого понимания характера необходимого «превосходжения»: сверхчеловек возникает, когда человек возвышается до него, преодолевая в себе все человеческие недостатки и ограничения; *или* же когда он начинает презирать в себе все *человеческое вообще* как слабость и ограниченность, пытаясь освободиться от всех привязок к человеческому как природному (т.е. тем самым как бы косно-пассивному и заземленному), когда естественному предпочитает искусственное (считая, как герой известного романа Е. Замятина «Мы», идеалом «машиноравность», т.е. объективность, предсказуемость, надежность, отсутствие чувств и фантазий). *Или* же все-таки – когда, отвергая искусственное, он культивирует и «гиперболизирует» положительное естественное, видя в его усилении и развитии единственный *адекватный* источник реализации возможного человеческого потенциала. До каких пределов человек может «дополняться» искусственным, чтобы остаться творчески живым и саморазвивающимся?

Представляется, что все такие варианты – с их достоинствами и недостатками – следовало бы осмыслить для продолжения разговора о возможном развитии (вопроса о наличии или даже, может быть, необходимости границ для него) потенциала человека, о характере и способе этого развития, о расширении человеческих возможностей в мире – о *собственно* человеческих возможностях, а не своеобразных их «заменителях» или искусственных усилителях. Ведь если вернуть слову «сверхчеловек» его настоящий смысл, а не его идеологизированные (порой и отчетливо демонизирован-

ные) тем или иным историческим опытом и соответствующими интенциями употребления варианты значения, то смысл *программы* сверхчеловека вполне можно понимать как вектор утверждения перспективы развития *человека* против тенденции его перерождения в процессе инерционного «расслабления», если, принимая парадигму истолкования мира как неизбежно, удобно и естественно *саморазвивающегося* в направлении к упорядочению и гармонии, включать в нее и человека как своего рода объект.

Однако не все, что удобно и естественно для мира, является таковым же и для человека; иначе проблематичным и даже сомнительным и оказалось бы, и выглядело бы само возникновение человеческой культуры, человеческого творчества, являющегося «самовольным» проявлением человека, захотевшего через «непослушание» противопоставить существующему окружающему миру – мир, созданный (или переделанный) творческим воображением человека, собственной его волей и деятельностью. Творчество – как идентифицирующий человека вид деятельности, особый (своего рода антропогенный, человекотворческий) процесс, и создавшая его особая способность, и характеризующее его особое качество – определяет то, что человек находится (может находиться) в процессе постоянного и непрерывного самоизменения. Творя свой мир, он творит и нового себя – в динамическом процессе творческого самостановления, когда бытие и становление идут параллельно, взаимообуславливая друг друга в своем развитии. В самом деле, человек – в отличие от остальных живых существ – способен к творчеству себя, к самопостроению, самосозиданию, самовоспитанию, саморазвитию и т.д. Человек, «достигший» представления о сверхчеловеке, задумывается о таком образе своей жизни, когда он может наиболее полно и гармонично воплотить свою *человеческую природу* в ее самобытно-творческом проявлении, реализованном в настоящем и устремленном в будущее. Человек принципиально выступает как *субъект* в отношениях с миром.

Ведь если самоорганизация в природе – это своеобразное творческое движение само́й вечной природы в сторону экономности выражения и целесообразности формообразования, то человек – на своем сознательном уровне – не может лишь пассивно вписаться в естественно движущийся и даже вполне рационально объяснимый природный процесс. Человек как не только представитель рода, но как индивид, осознающий себя и способный к во-

леизъявлению, осуществляет *собственную* сознательную творческую стратегию – не полагаясь на пассивную эволюцию, но активно участвуя в процессе своего самоосуществления, реализации в себе высшего человека. Программа сверхчеловека – это утверждение стратегии развития *собственно человека* против тенденции к его возможному исчезновению из бытия, растворению в пассивной биомассе или же в непредсказуемом по последствиям том или ином гибриде с теми или иными видами и формами неживого. Иными словами, когда мы ставим проблему, мы обычно обозначаем пространство и уточняем *смысл* обсуждаемого, предполагая некоторую его безусловность и помещая его в контекст объективного разворачивания его бытия. Сверхчеловек понимается нами в развивающемся пространстве родового понятия «человек», но, будучи целеполагаем и формируем в своем бытии как индивида, он извлекает (выбирает) из своих внутренних глубин и из внешнего бесконечного континуума возможностей все, что представляется ему необходимым для осуществления, оформления и выражения своей мыслимой им сверхчеловеческой сущности. Р. Генон, например, развивающий понятие об «универсальном человеке», природа которого необходимо причастна Небу и Земле, различает «человека истинного» и «человека обыкновенного» (т.е. лишь как бы возможного). Сверхчеловек в его подходе предстает как достижение *полноты* проявления *собственно человеческой природы* и человеческого состояния, следовательно, предполагает возможность интегральной реализации его *человечности* (Генон, 2004, с. 172).

В то же время обычный, распространенный в современном социуме массовый человек, в котором, как уже говорилось выше, процесс массовизации, «преодолев» количественную фазу, перешел в определяющую его качественную, взятую в ее бытовом выражении (так что многие современные авторы – как представители масскультовского направления, так и постмодернисты – предпочитают говорить не просто о массе, но уже именно о *толпе* как *скоплении* атомизированных индивидов), вряд ли способен будет произвести из себя сверхчеловека. Проблематично говорить не только о возможности гармонического развития такого человека (достижении полноты состояния) и возможности гармонического его единства с другими людьми и миром (достижении полноты бытия), но и о его способности, что называется, «держат позитивное усилие» в противостоянии искаженным представлениям о возрас-

тании свободы современного человека, для которого оказывается возможен отказ от культурных норм и установлений, когда представляются равнозначными любые взгляды и убеждения, что странным образом истолковывается как возрастание свободы. Правда, Ю.М. Лотман в свое время определил эту тенденцию – когда свобода понимается как полное освобождение от всех выработанных человечеством ограничений, в том числе и от взыскующего человеческого разума, – словом «хамство» (Лотман, 2003, с. 475). А уже упоминавшийся А.Г. Маслоу считал утрату системы ценностей самой тяжелой болезнью нашего времени (Маслоу, 2002, с. 246). Эту реальность «возрастания свободы» современного человека Ж. Бодрийяр назвал уродливым разбуханием «наростов», убивающих культурные представления и убеждения (Бодрийяр, 2007, с. 266–267). О беспорядочной груде «неудобоваримых камней знания», которые человек вынужден таскать за собой, но которые не идут ему на пользу, ибо рождают не духовность, а хаос, говорит и Ф. Ницше, утверждающий, что современный человек страдает серьезным ослаблением («выветриванием») личности (Ницше, 1990, с. 180, 186–187). Таким образом, понимание, способность к самоопределению и выбору «содержания себя» формируют и будущий путь человека, и характер возможной *цели* его движения. В этом смысле понятие «недочеловек» выступает, по мнению Маслоу, синонимом понятия «невроз» (Маслоу, 1997, с. 32, 313, 350); в самом деле, характерные для современного постмодернизма понятия «децентрация», «деидентификация», когда человек не может обеспечить целостного и адекватного восприятия себя, выражают совпадение понятий неадекватности (неполноты сознательности) и «недочеловеческости». Поэтому современные философы разных направлений и с разных позиций говорят о присутствующем в современности «фрагментарном человеке».

Таким образом, разговор о сверхчеловеке – это размышление о действительном статусе и адекватном понимании *человека*, каким он не только может, но – **должен** быть по своей истинной природе, своему месту в мире и своим перспективным возможностям. Иными словами, это разговор о возможности и *необходимости* разворачивания мыслимого «содержания» человека, о его действительном месте в мире и возможном месте в Космосе, о возможностях его дальнейшего развития, ибо человек не был бы и человеком, если бы в своем развитии останавливался на достигну-

том уровне и не думал о будущем... Ведь человек – «существо, которое не только есть, но и знает, что оно есть» (Бодрийяр, Ясперс, 2007, с. 12), и имеет для этого основания и подтверждения. В определенном смысле это несколько идеализированное – и идеализирующее (в оценочном, а не в инструментально-методологическом смысле) – представление о человеке. И актуальнейший разговор о том, как идентифицировать человека в мире неких антропоидных созданий и антропоподобных машин¹, которые становятся все более многофункциональными и полиманипулятивными, и порою человек – ради сомнительных выгод, преходящих удобств, часто просто из-за непонимания всех возможных (и на всевозможных уровнях) последствий – уже готов и потесниться, и даже *уступить* им свое человеческое «первородство»... Как отметил еще Ф. Ницше в свое время: «Самый общий признак современной эпохи: невероятная убыль достоинства человека в его собственных глазах» (Ницше, 2005, с. 37). В то же время любое унижение человеческого достоинства и человеческой природы запоминается нашим бессознательным и отрицательно влияет на самооценку, следовательно, в результате и на отношения человека с обществом. И несмотря на внешнее развитие новых социоцивилизационных стратегий, на повышение технической оснащенности бытия, на многообразие форм осуществления современной жизни и рост возможностей человека он чувствует себя все менее уверенно, у него все больше сомнений и вопросов... Человек – в большинстве своем – как бы уменьшается в собственных глазах в сравнении с миром, который предстает все более – по мере научного его изучения – бездонным, бескрайним и непознаваемым, непредсказуемым... Однако в конечном счете то, каким будет для человека мир, зависит от того, каким будет (станет) сам человек; так, если у человека не будет ничего святого, не станет и самого мира как мира *человеческого* – в полноте этого смысла.

---

¹ Вспомним хотя бы последние произведения современного интересного автора В. Пелевина: (Пелевин 2012; Пелевин, 2013; Пелевин, 2014). Второму из них предпослан довольно сомнительный эпиграф: *Сверхчеловек – это звучит супергордо!* Во-первых, это все-таки в некотором смысле заимствование «формы» у М. Горького (хотя, конечно, «творчески развитое»), во-вторых, произведенное удвоение понятия еще не объясняет возрастания его значения, тем более понимания.

И потому представляется важным (все более важным), чтобы человек в толпе одинаковых, зачастую плохо образованных (и нередко плохо воспитанных, ибо в самом общем случае формирует их современная безвкусная реклама) современных людей, которые могут скоро разучиться самостоятельно думать, которые стали некритически доверчивы и легко манипулируемы, которые больше доверяют калькулятору и соцопросам, чем самим себе, – иногда задумывался об этих действительных своих возможностях¹ действительной своей, *аутентичной* человеческой природы, чтобы начал понимать, что эти его возможности недоступны любой сколь угодно умной машине, и потому заменить его, человека, практически нельзя. Потому что он – *живой человек*, способный к многоуровневому поступательному, осознаваемому и самопрограммируемому *развитию*, он обладает *человеческой свободой*, т.е. способен к нейтрализации принуждений природы и общества, к человеческому сопротивлению тупой инерции, инволюции в себе, варварству в обществе, что он может (и должен) работать против деградации, изживать в себе негатив и тенденции к нравственному, интеллектуальному, духовному распаду. Потому он порой смутно ощущает в себе присутствие как будто другого, высшего, героического или просто иного, неведомого начала, понимая, что «человеку человек есть звук миров» и т.п. Человек действительно в особых состояниях, в моменты вдохновения ощущает в себе присутствие целой неизведанной вселенной, в эти минуты он пишет бессмертные стихи, открывает законы, которые в своей полноте оказываются поняты лишь через столетия, сочиняет поистине божественную музыку... И это часто становится причиной его стремления к новому, дает импульс к особой его деятельности по поиску, открытию и выращиванию в себе *сверхчеловека* – полноценного в своей человеческой природе и ее проявлениях, способного к преодолению уже достигнутого и достижению новых горизонтов *истинно человеческого бытия*.

В наше время общим местом стала констатация того факта, что сама повседневность современного массового общества, в изобилии породив *массовых* людей, произвела новую качественную

---

¹ Чтобы не оказалось, как говорится в одном из ранних стихотворений Евг. Евтушенко: «Наделили меня богатством – / не сказали, что делать с ним...».

разновидность населения, когда человек рассматривается и даже становится не более чем опредмеченной «функцией» действия соответствующих общественных структур. Этот обычный, массовый, среднестатистический человек (называемый «маленьким» человеком – описываемый как «серенький», «в сером», «на сером фоне...», обезличенный, с «непроросшим» лицом и вообще «*duxless*» (Минаев, 2008)), возникший в качестве «издержек» демократизации жизни, демократизма массовой культуры, нередко приводящей к снижению культурных критериев, *оказался*, в свою очередь, весьма удобной для манипуляций фигурой в современной большой игре глобализационных элит, и потому этот человек массы, без лица и инициативы, без духа и без устремлений, внушаемый и управляемый, все более «набирает вес» (возрастая количественно) и все чаще используется этими новыми элитами – как своего рода функциональный ресурс – в своих целях.

Следует напомнить, что *традиционная* русская культура всегда была полна сочувствия к маленькому человеку, однако сама по себе она отнюдь не была собственно массовой культурой со всеми характерными особенностями современного ее варианта, т.е. «масскультом», а кроме того маленький человек как герой этой большой литературы часто на самом деле оказывался человеком далеко не серым и обычным. Но подобное положение изменилось с массовизацией и общества, и его культуры, с существенным изменением самой психологии массовости, с дрейфом массы к победительному мещанству. Современный массовый человек *доволен* тем, что он «как все»... Массовое общество как бы зафиксировало положение, когда «человек будущий» и «человек потребный» *разошлись между собой* в значении, в оценке, в «пути следования» и «назначении». Однако масскульт не только выполняет некую охранительно-утешительную функцию, позволяющую маленькому человеку относительно комфортно жить и быть довольным собой, но и сужает его человеческий мир, лишает человека духовного измерения в восприятии жизни и аутентичных ориентиров в понимании своей человеческой сущности. Так, А.А. Зиновьев писал, что массовая культура всеми своими средствами создает впечатление, «будто “маленькие” люди ведут интересную и социально насыщенную жизнь. В реальности же их жизнь есть мещанская скука и столь же унылая работа по обеспечению этой скуки» (Зиновьев, 2000, с. 589). Главная беда в том, что массовый человек часто ос-

тается только потребителем и бывает творчески бесплоден, что закрепляет эту его общую нетворческую бездумную позицию и делает *излишней* саму проблему движения человека к развитию своей природы и реализации своей человеческой сущности. Массовый человек отнюдь не безобиден: своим ростом и движением он прокладывает путь в *тупик* возможного развития человечества.

Обычный маленький человек оказывается вполне приспособлен к современной «поточной» жизни и не заинтересован в выходе за пределы своей посредственности. Его героем становится некий условный супермен, снижающий общую планку понимания человека, что опирается на скрытую нигилистическую мысль относительно действительной природы и сущности человека. Однако *для жизни человека* необходим настоящий герой, который способен оценить целый пласт человеческой жизни. Герой, а в общей перспективе развития *сверхчеловек*, – есть необходимость для человека в его понимании и *оценке* истинного масштаба человеческого бытия, масштаба человеческого потенциала, позволяющего развернуть богатство человеческой *личности* и человеческого *духа*. Таким образом, человек как таковой не может (не должен) предать забвению свою *перспективную* цель – превзойти себя и в *определённом* смысле стать сверхчеловеком, перешагивающим свои уже имеющиеся у него наличные способности и достигающим нового своего состояния в напряжении всех своих возможных человеческих сил и свободных творческих проявлений их.

Однако что дальше – после *предполагаемого* достижения уровня (статуса) сверхчеловека? У сверхчеловека (в ницшевском «Заратустре», например) возникает своя цель – превзойти себя уже как сверхчеловека в ином смысле и качестве. И так он опять и опять, вновь и вновь будет превосходить себя, уже ранее не однажды себя превзошедшего; но не угрожает ли ему (пусть в относительно далеком будущем) заикливание, чреватое возможным «вечным возвращением», распространяющимся и на этот уровень? Или интеллект, воля, творчество, составляющие идентичность человека, будут наконец развиты до максимума (но остается ли *такой* максимум *постоянной* величиной? Или его выражение будет передвигаться, расти вместе с человеком? Или этот процесс имеет *естественные* ограничения?), что позволит такому человеку держать позитивное усилие в полноте сознания своего человеческого долга – долга разума, осознавшего свою космическую ответствен-

ность. Иначе говоря, сверхчеловек не должен переставать быть человеком или, в случае необходимости, должен будет заново *научиться быть* человеком. И действительный сверхчеловек – это тот, кто поставит *над* своими правами осознанные обязанности: «Я могу, я должен, я сделаю».

Действительный сверхчеловек сверхнапряжением своей воли станет реализовывать то, что заложено в его человеческую сущность не только природой, но и Богом¹, Высшим началом, неким высшим творящим принципом и т.д. И человеку не стоит забывать, что творение мира не закончено – природой ли, Богом; творение продолжается – *человеком*. В человеке есть все. И он волен выбирать. Но и *отвечать* за свой выбор. Ведь общество в определенном отношении формирует потребного *себе* человека; и, к сожалению, не на всех этапах и не всякому обществу оказывается потребен действительно *человек* (это может быть как гармонично и всесторонне развитый, воспитываемый объективно для будущего человек, ответственный, творческий, пассионарный; но, с другой стороны, это может быть и пассивный приспособленец; профессиональный потребитель; инфантильный вечно «посторонний» и т.д.).

Человек обладает набором как негативных, так и позитивных исходно-первоначальных образов, и, говоря о человеке как *человеке вообще*, мы не можем забывать, что в историческом времени он реально может быть реализован с преобладанием тех или иных обусловленных временем свойств и характеристик. Но человек вполне может реализовать «доступную ему функцию» – осмыслить ситуацию и сделать осознанный и достойный, одобренный его нравственным чувством выбор. И человек ощущает, и понимает, и реализует осознаваемый им выбор как некое долгосрочное *ценностное самоосуществление*. При этом его цель не должна приходить в конфликт ни с разумом, ни с совестью, ни с чувством справедливости, ни с чувством достоинства. Недолжное, несправедливое, безобразное и т.п. – в умозрительной перспективе «стратегически» нецелесообразны, они неоправданны в некой духовной логике, в духовном знании.

Известно, что истина, добро, справедливость добываются самим человеком, когда он четко осознает, чего он хочет и как он должен это желаемое осуществить. Чтобы он смог это осущест-

---

¹ Как сказал Б. Шоу, Бог создается сейчас. И потому вечен.

вить, он должен – и это принципиально – действительно этого пожелать. Воля к должному у сознательного человека направляется достойной целью, а не преходящим побуждением, будучи осознанным устремлением, она становится его волей к действию. Воля, *наличие* которой определяет возможность, а *содержание* – направление осуществления, может пониматься различным образом. Она не только выступает как чисто человеческое и определяющее (идентифицирующее) человека (в отличие от всех остальных живых существ) *качество* (о чем, в частности, пишет Ницше, развивая свое понимание самой жизни), как *общий модус души* сознательного человека, но порою и как *способность* навязать другим свои взгляды, даже свою программу; воля считается качеством, которое позволяет человеку и реализовать свои сверхчеловеческие возможности, и стать, например, вождем и т.п.

Таким образом, это само по себе сложное, неоднозначное и неоднозначно толкуемое понятие воли может присутствовать в самых разных контекстах, иметь самые разные смысловые оттенки. Так, кроме созидательного содержания понятие воли имеет и иные смысловые значения – способность обеспечения власти, например. В связи с этим существуют разнообразные теории происхождения так называемого великого человека, вождя, в соответствии с которыми способность к лидерству есть врожденное качество и великими не столько становятся, сколько рождаются. Лидер умеет использовать опыт и наработки других людей, обобщить и развить их.

Однако лидер, вождь и сверхчеловек – разные понятия. Сверхчеловек, например, может жить в скромности и уединении, властитель же, в свою очередь, оказаться мелким и заурядным человеком, вознесенным наверх лишь прихотью судьбы; подобные вожди могут быть тщеславными, эгоистичными, пребывать не в поиске истины, а в постоянном процессе самолюбования. В то же время аутентичный сверхчеловек становится вождем, прежде всего, *самого себя*; он адекватен миру, его воля становится творческим центром его личности, а ведущим качеством является чувство ответственности и готовность нести эту ответственность – и за свои действия, и за их последствия, а также за тех, кто поверил ему. Аутентичный сверхчеловек (т.е. настоящий человек, каким он должен быть по высшему человеческому счету) – совсем не тот, кто способен переступить через честь, правду, достоинство, что является характеристикой *так называемого* сверхчеловека, как он понима-

ется в упрощенной модели «количественного превышения качества» без учета «знака качества» и его вектора, когда лишь чисто количественное превышение качества переводит сам «объект» в иную, и порою прямо противоположную категорию¹. Современный бесценностный контекст, разрушающий в том числе и волевые характеристики человека, делающий его внушаемым и управляемым, как бы неявно – ибо медленно и незаметно, – но неизбежно приводит к стиранию тонких ценностно-нравственных различий и в смыслах, и в практиках.

Человек характеризуется тем, что организует свою жизнь, свое существование при помощи особой способности целеполагания. Сверхчеловек же будет оправдывать свое существование способностью к высочайшему целеполаганию: *истинная цель сверхчеловека есть Человек* – истинный, высший Человек в полноте его бытия, полноте своего осуществления, способный и творчески создать свой сверхидеал, и последовательно, героически и самоотверженно идти к его достижению. И этот Новый Человек будет поистине прекрасен – в совершенстве своих все более полных понимаемых, раскрывающихся и реализующихся истинно человеческих начал и качеств. Таким образом, с помощью образа сверхчеловека можно напомнить человеку о высшем его происхождении и назначении – о его сверхчеловеческой *миссии*, отвергнув при этом обусловленные неким достаточно распространенным предрассудком толкования о возможной опасности формирования вследствие этого некой особой – высшей – породы или расы людей. Действительному сверхчеловеку нет нужды в демонстрации своей власти или своей исключительности, ибо в нем изжиты (по определению) предрассудки предыдущих уровней развития, иначе он и не был бы (не стал) сверхчеловеком.

Что касается обычного современного (далеко не совершенного пока...) человека, то существует, например, объективный ресурс для дальнейшего его развития, в частности раскрытие и использование не до конца пока исследованных и понятых самим человеком возможностей его мозга, который порой сравнивают со своеобразным «бортовым компьютером». В то же время, в отличие

---

¹ Например, безнравственно-механическое и тенденциозное использование понятия «сверхчеловек» (наряду с понятиями «недочеловек» и т.п.) сугубо фашистскими режимами и учениями.

от него, человеческий мозг, если и запрограммирован, то настолько сложной, надежной и рассчитанной на перспективу полифункциональной программой, что, по словам известного нейрофизиолога, исследователя мозговой деятельности Н.П. Бехтерева, наш мозг, если будет использован весь его сложный аппарат, способен преподнести нам еще множество разнообразнейших сюрпризов (Бехтерева, 2007, с. 185, 366). В самом деле, в мозгу сконцентрирован общий опыт человека как рода в его целостности, и только *полная* расшифровка его поможет достоверно установить, что такое человек, кто он есть, с каких исходных позиций он отправился в путь и каким может стать. Важно, чтобы человек эту записанную в его мозге память о содержании всех пройденных им этапов развития использовал для познания себя, а не для управления себе подобными – со всеми неоднозначными последствиями этого; для возможно более полного и всестороннего развития своей специфической человеческой природы без ущемления витальной ее стороны, ибо насилие над природой (в том числе своей) становится, в сущности, насилием над человеком и как бы принимаемой, оправдываемой возможностью *распространения насилия на других* людей. Это знание имеет непосредственное отношение не только к пониманию реального объема возможностей человека и наличию способности его реализовать эти возможности, но и к *планам построения* общества, к самому определению лица и духа этого общества.

Программа сверхчеловека для современного общества – это *отрицание* вектора на возможность *самоуничтожения*, на возможность «обратного» растворения в фоновом пейзаже прекрасного мира – но уже без человека. Поэтому обсуждение проблемы сверхчеловека – это размышление по поводу сложных поисков путей к человеческому совершенству, это рассмотрение существующих (и развиваемых) пониманий и практик возможных способов самосовершенствования человека, опирающегося на высокую планку морально-нравственных и духовных требований к себе как человеку. Это невозможность принять некую гипотетическую перспективу постепенно-попятного *инволюционного* движения человека, как бы перечеркивающего достижения многовековой *эволюции*. В то же время нельзя забывать, что кроме использования человеком естественных способов развития и совершенствования в применении к естественному же человеку существует и своеобразная практика создания искусственного комбинированного человека с

измененными заданными качествами, и эта своеобразная практика, известная с давних времен (в религиозно-эзотерических, например, учениях), в наше время «обогащена» возможностями науки и применением разнообразных технических средств. И это также требует своего рассмотрения и оценки. И в целом адекватность способа постановки подобного вопроса подразумевает обсуждение его в поле философии ответственности и самоответственности человека в становящемся способе обмена между человеком и миром (в его естественных и искусственных, в том числе создаваемых техникой и при помощи техники, проявлениях).

Иначе говоря, программа *сверхчеловека* – это программа постановки сверхзадач, открывающих сверхвозможности и реализуемых *человеком*, который в достаточной мере полно и глубоко сможет освоить и *адекватно оценить* открывающиеся горизонты. Быть человеком в полноте своего самоосуществления, направленного к раскрытию богатства своего сознания, раскрывающего полноту бытия в мире, где реализуются все возможности истинной человеческой природы, – это единственный реальный, действительный путь к осуществлению мечты о сверхчеловеке. Однако это отнюдь не автоматически идущий и само собой разумеющийся процесс; как уже говорилось, реализация его требует воли, позиции, усилий, способности. Сверхчеловеком становится тот, кто преодолел сомнения и заблуждения, кто осознал свою волю как движущую силу необходимости реализации будущего в своих действиях и, реализуя ее, избавляется от слабости и неопределенности, ибо сознает всю меру *ответственности* перед миром.

Многообразие различных конкретных путей, ведущих к сверхчеловеку, и сама настойчивость поисков в этом направлении свидетельствуют о том, что причина их лежит достаточно глубоко: в неясном ощущении человеком неизвестных ему начал и глубин собственной природы, тайны самого его возникновения (появления) на Земле. Многие эзотерические учения рассматривают человека как по преимуществу переходную форму, «постоянную только в своих противоречиях и непостоянстве» (Успенский, 1993, с. 132), вынужденную непрестанно и пристрастно пересматривать в себе человеческое ради достижения сверхчеловеческого. И сама идея сверхчеловеческого, позволяющая увидеть все в совершенно ином свете, позволяет понять многое в человеке именно исходя из *других масштабов и других контекстов* понимания. Человек ощущает

свою актуальную неполноту, свое несовершенство, свою нереализованность; в своих религиях создает образы богов, выступающих идеальным воплощением его представлений о должной полноте. Действительно, откуда это смятение духа? Ради чего свершается сам трудный путь? Чего ищет человек помимо того, что уже сполна дано ему всеведущим Богом? Ответы на подобные вопросы способны прояснить и предназначение самого человека, и смысл человеческой жизни, если будет известна и понятна ее высшая цель. Однако и в вопросе определения цели существуют расхождения.

Так, например, конечной целью может быть признаваем новый человек будущего, гармонично развитый физически, духовно и нравственно; это человек, движимый высшими мотивациями (метамотивациями, по А.Г. Маслоу (Маслоу, 1997, с. 313–350)) и стремящийся к реализации высших потребностей (метапотребностей – таких как знание, творчество, истина, красота). В то же время эта социокультурно и гуманистически привлекательная модель тем не менее означает предъявление повышенных требований прежде всего к самому *обществу*, ибо именно общество в конечном счете может и должно создавать эти способствующие развитию человека условия. Но современное общество, как уже говорилось, в действительности создает такой контекст и такие условия, в которых подобные качества оказываются не востребованы и не находят применения, что никак не может способствовать появлению большого числа людей, обладающих (и желающих обладать) такими качествами. Кроме того, у гуманистической (идеализирующей) модели есть и другие недостатки.

Гуманисты, говорящие о вечной и неизменной человеческой природе, трактуют сверхчеловека как *идеал* человека *вечно*, каков он есть, был и будет, но просто как бы «очищенного» от недостатков неравномерного развития разных его сторон и «хорошо исполненного». По сути, содержанием гуманизма, при всех его благих намерениях, в его логическом развитии вполне может оказаться близорукое сведение самого мира к мерке человека в некоем их *взаимно* застывшем идеализированном виде. В этом случае возникает ситуация, в которой, как пишет французский философ-традиционалист Р. Генон, речь идет о том, «чтобы все свести к чисто человеческим меркам, абстрагироваться от всякого принципа высшего порядка и, говоря символически, отвратиться от неба под предлогом завоевания земли...» (Генон, 2004, с. 172).

В целом это может оказаться достаточно недальновидной тактикой человека, опасającego всего нового и отказывающегося от всякого движения, тем более поиска, из боязни возможных неблагоприятных последствий. Как это напоминает упования людей на то, что все пути им уже указаны и даже все их возможные грехи уже искуплены – на Кресте мужественным Сверхчеловеком, который после распятия воскрес Богом, обозначив парадигму истинного пути: удобно прячась за Его Крест, они старательно забывают, что у каждого так или иначе имеется «свой крест», и каждый должен *сам* нести этот *свой* крест, и это нельзя отменить... Сын Божий, но он же и *сын человеческий*, зная, но не страшась предстоящего (хотя, как известно, была трудная ночь сомнений в Гефсиманском саду...), не свернул со своего Пути.

В то же время идеал может существовать не столько как конечный образ достижимого, сколько в качестве «указателя» направления движения к развивающейся цели. Гуманистический антропоцентризм, в определенное время бывший эволюционно и духовно необходимым с точки зрения оформления самосознания человека, утверждения его в мире, впоследствии становится неким сужающим мир представлением, замыкающим человека в искусственно *остановленных* рамках (границах) понимания самого феномена человека, его реально видимого развития и его реального места в мире. Навязывая миру свои застывшие меры и нормы, человек и сам начинает инволюционировать, и его идея сверхчеловека выхолащивается, вырождается в самолюбующемся «подчеловеческом» (по выражению Н.А. Бердяева (Бердяев, 1989, с. 169)) человеке.

Таким образом, для дальнейшего движения, в особенности движения вверх, нужен прежде всего четко осознаваемый (мысленно постулируемый) вертикальный вектор движения. В свое время подобный вектор восстановил Платон. Он как бы ответил и на утверждение Протагора: «Человек есть мера всех вещей»¹ – и на замечание по этому поводу Сократа, добавившего: «Человек как мыслящий есть мера всех вещей» – своей формулой: «Бог есть мера всех вещей, и мера наивысшая», предложив тем самым истин-

---

¹ Более полный перевод: «Человек есть мера всех вещей, существующих, что они существуют, и не существующих, что они не существуют» (в передаче Секста Эмпирика. Цит. по: (Чернышев, 2010, с. 115)).

ный масштаб и ориентир для оценки и вещей, и человека. Всё-таки не человек и даже не сверхчеловек, а Бог *мыслится* как та высшая форма, которая традиционно сообщает *истинную меру* и смысл человеческого и то реальное место, которое занимают в этой системе и человек, и сверхчеловек – каков бы ни был и каким бы ни мыслился иногда в разных традициях этот второй (мессия, полубог...). При этом Бог выступает как некое условно-конкретное представление о высшем Бытии, недостижимом для человека, которому, однако, Он уделяет нечто от Своей природы (создав человека по Образу и подобию Своему...). Сын Божий «соделался сыном человеческим, чтобы сыны человеческие соделались сынами Божиими (по Благодати)».

Это – принципиальное и намеренное введение некоей *абсолютной* точки отсчета, необходимой для построения и оценки системы, которая не хочет оказаться ложной или мнимой. Если же, как говорил Н.А. Бердяев (Бердяев, 1989, с. 169), человек сам себя признает венцом творения и образцом для подражания, он неизбежно будет в известном смысле деградировать, утратив существующую истинную меру. Как говорит в «Воле к власти» Ф. Ницше (Ницше, 2005, с. 131), нравственное сознание маленьких (как бы мы добавили сегодня – массовых) людей, взятое за меру всех вещей, есть самое отвратительное вырождение. Например, человекобог Ницше в принципе не оппозиционен подобной перспективе, просто, в отсутствие вертикали, они находятся на разных полюсах, но – одной и той же *горизонтали*. Истинная же линия другая. Это предлагаемая В.С. Соловьевым (Соловьев, 1989, с. 273) линия гипотетического Богочеловечества как человечества, достигшего высшей точки своего развития, воплотив идею цельного человека в полноте своего исторического осуществления. В.С. Соловьев преодолевает существующий ограниченный духовно-этический антропоцентризм человека без Бога во имя синархии, синергийной иерархии, объединяющей человека и Бога на общей основе подлинной духовности и полноты творческого осуществления; при этом развитие мира на чисто человеческом основании даст, по его мнению, в результате человекобога (ницшеанского типа), но не Богочеловека, а это, по мнению Соловьева, *разные типы бытия*. При этом универсальность такого сверхчеловека *вполне* осуществима лишь при единстве духовно-религиозных взглядов людей, что весьма проблематично ввиду существования и разных религи-

озных систем, и разных представлений – в разных культурах – о «наборе» необходимых для этого идеальных качеств. Кроме того, при этом неявно подразумевается возможность достижения окончательного (пусть и вполне идеального) состояния. А что дальше? К сожалению, известно, что вечная (застоявшаяся) гармония чревата болотом.

Кроме того, нет ясности относительно того содержания, которое подразумевается сторонниками воссоздания гармонии в определениях «безусловная», «восстановленная» гармония. Может ли гармония остаться прежней гармонией, если и мир, и человек изменились, и современного человека, при всем уважении к культуре древней Греции, невозможно представить «в контексте» известных из истории реалий; и как мир не возвращается к пройденным фазам своего развития, так и современный человек не встанет на котурны в искусственно воссозданной гармонии античной системы отношений с миром. Изменившийся мир и человек, ставший во многом совершенно другой личностью, в особенности после того как Р. Декарт известным образом отделил его от остального мира, в определенном смысле закрепив это отделение особой свободой человека-субъекта по отношению к миру-объекту, в свое время потребовали оформления соответствующих реальной действительности отношений. Современный человек творчески осваивает свое мобильно изменяющееся положение в мире и возможности своего человеческого проявления в нем. Сам же феномен сверхчеловека не есть принадлежность исключительно исторического будущего. Кроме того, отмечает, например, П.Д. Успенский (Успенский, 1993, с. 135–137), сама по себе природа отнюдь не гарантирует сверхчеловека; так, человек не может быть произведен в сверхчеловеки за выслугу лет или за пережитые страдания... И в целом идея эта не совсем ясна, не совсем понятна, и потому часто ее искажают и превратно толкуют. Этим объясняется неприятие данной идеи – от простого непонимания вплоть до весьма сурового ее осуждения (Федоров, 2003) или даже умышленного искажения.

Итак, в конечном счете и в решающем смысле, путь к новому обществу, новой культуре, новому состоянию мира лежит через решение проблемы человека – который создает и нормы своего бытия, и содержание своей культуры, через создание некоей движущейся модели совершенства. Сам гуманизм нашей современно-

сти отличен от прежнего, традиционного гуманизма своим стремлением найти основания и возможности оправдания стремления стать сверхчеловеком, поскольку человек (оправданно или нет – другой вопрос, требующий рассмотрения) хочет сам себя вести, оценивать, судить... При этом сверхчеловек может пониматься и как некая высшая фаза, высший этап общей жизни развивающегося и совершенствующегося человечества, и как достижение индивидуальным человеком высшей стадии своего развития и осуществления в себе высших способностей и возможностей. Как известно, на нашей планете сменился целый ряд цивилизаций, гибель которых могла быть обусловлена как космическими катаклизмами (имеющими место в ходе движения и развития Космоса), так и порочной человеческой практикой. Спасение человека, спасение человечества (при известной проблематичности наличия жизни, тем более ее развитых форм, на других планетах) – грандиозная цель, для достижения которой каждая цивилизация искала и ищет свой путь и стремится реализовать свои возможности для этого. Развитие человека так или иначе, в той или иной трактовке связывают с возможностью спасения мира («попеременно то разгорающегося, то затухающего»...¹), начиная с древнейших времен, такие разные мыслители, представители разных направлений, разных сфер культуры и разных способов понимания проблемы и ее содержания, как Федоров и Франк, Лосев и Чижевский, Бердяев и Вернадский, Тейяр де Шарден и Достоевский, Циолковский и Флоренский, которые – каждый по-своему – рассматривают проблему как возможно зависимую от наличия и деятельности самого человека, проявления жизни и деятельность антиципирующего сознания которого стали неотъемлемым фактором жизни и движения всего Космоса...

В то же время современный нам контекст не может (опять и опять) не возвращать исследователей к мысли: о каком вообще сверхчеловеке можно говорить в постсовременной (пост)действительности, когда и *просто* человек оказывается сознательно (и окружающим контекстом, и им самим) редуцируем к своим простейшим функциям и основным инстинктам, хотя и приукрашенным современным гламуром стараниями многоликой системы информа-

---

¹ Или, возможно, в современной трактовке, – расширяющейся (после Большого взрыва) или уже сужающейся Вселенной.

ционной обработки, однако по сути своей не изменившимся и грамотно и направленно эксплуатируемым идеологами «прекрасного нового мира». Главное, внушают они человеку, – комфорт, расширение потребностей и потребления, разнообразие удовольствий и наслаждений; поэтому на ТВ обилие программ, посвященных рецептам и процессу приготовления еды, модным диетам, рекламе, безвкусному обсуждению частностей личной жизни знаменитостей и т.п., что и выдается за «внимание к человеку как он есть». Мы помним, как и самой целью нашей системы образования не столь давно было провозглашено «формирование квалифицированного потребителя»¹, своего рода жизнерадостного пластичного планктона, который мог бы, как уже говорилось, использоваться элитой системы «глобального управления» (или кем-либо еще) по своему усмотрению. Идеал человека в полноте его человеческих качеств и проявлений подвергается насмешкам, он посрамлен и заменен идеалом прибыли (умения извлечь ее), когда выносятся за скобки интеллект, воля, совесть и т.д., ибо дело всегда, в любом случае можно поправить удачным пиаром, ибо предмет в его бытии и информация о нем — суть разные вещи...

Но так недалеко и до конца истории, который в свое время поспешил возвестить американский историк Ф. Фукуяма. Вместо живой некогда жизни, говорит он, всюду воцарился искусственно сконструированный порядок: экономический расчет, бесконечные технические проблемы, удовлетворение изощренных запросов потребителей, сведение понимания мира и жизни к удобству их восприятия... Ни искусства, ни философии – никакого живого движения, «лишь тщательно оберегаемый музей человеческой истории» (Фукуяма, 1990, с. 143). Перспектива скуки и объясняемое ею стремление к всевозможным видам экстремальных эмоций (на грани все возрастающего пространства отклонений от существующих и как бы санкционированных самой жизнью биологических, социальных и др. норм) все более скупающего, лишенного реальной жизненной перспективы населения...

Именно потому и ощущается *потребность* вернуть в поле осознания истинный масштаб и смысл бытия человека, обратившись к проблеме *сверхчеловека* — но в *действительном*, аутен-

---

¹ Это вместо прежней установки на формирование всесторонне развитого человека. Как говорится, почувствуем разницу...

тичном смысле этого слова, не искаженным его непониманием или недобросовестным употреблением, а обозначающем возможность мотивированного направления усилий человека на восхождение к более высокому уровню своего существования, самого понимания себя как человека в отнюдь не до конца осознанных и тем более *реализованных* своих потенциях. Чтобы достичь возможного, как уже становится ясно человеку из опыта, следует пожелать невозможного: рассчитав силы на завышенную задачу и на более высокую цель, можно надеяться на достижение желаемого. Нужна и уверенность в себе, своих силах, нужно верить в свои возможности, в способность мобилизации всех человеческих ресурсов. Следует сказать, что Ницше, создавая образ своего сверхчеловека, *заострял* проблему: он как бы вырывал человека из приспособленческого его состояния в ограничивающем его буржуазном контексте, противопоставляя его обществу, что требовало от человека максимальной мобилизации, для того чтобы подняться над собой «наличным» на ступень более высокого уровня реализации ресурсов своей человеческой природы, ее напряжения в стремлении «покорить высоту» этой более высокой ступени реализации. В то же время его сверхчеловек исходно и непоправимо одинок, его покинутость не может не настораживать. Многие из исследователей в той или иной форме согласны в том, что сама идея Ницше о сверхчеловеке была своего рода побуждением к реализации своеобразной *мобилизационной программы развития* человека на ближайшие 200–300 лет...

Человек, взятый как *род* (в совокупности следующих друг за другом поколений, имеющих внутреннее единство и объединяемых общей спецификой адаптации и общими принципами функционирования в среде, некий сверхорганизм, идентичный себе), конечно, в самом общем смысле выбирает норму и порядок. Но человек как отдельный *индивид* по необходимости есть своего рода *испытатель и первопроходец*, он может спокойному, но банально привычному способу существования предпочесть попытку испробовать новую норму, отступление от принятого порядка, поиск новых парадигм и т.п. В конце концов поиском и творчеством отдельных индивидов находятся, создаются и испытываются новые образцы человеческого поведения и вообще новые способы самого□ присутствия в мире этого особого рода живых существ, идентичность которых составляет их особая сложная природа, про-

тивопоставившая их всему миру, но, в свою очередь, обязавшая – как бы по праву старшинства (обеспечиваемого умом и способностью к творческому поиску) – отвечать за ход событий на Земле.

В то же время по умолчанию часто предполагается, что человек из двух наличных аттракторов – порядка и хаоса – делает свой выбор в пользу порядка. Кроме того, что поддержание порядка требует постоянных позитивных усилий, хаос по-своему может быть привлекателен для тех или иных (иногда неординарных) индивидов; хаос привлекает иллюзиями бескрайних возможностей, посулами безграничной свободы, здесь все позволено, и инерция увлекающего вниз движения соблазняет, обволакивает и «успокаивает»... И это также составляет проблему для человека, ибо он не всегда в состоянии отличить игру с хаосом, действительно способную обогатить – особенно художественные натуры в их поиске – специфическими оттенками и переживаниями, с одной стороны, от безвольного следования настроению вседозволенности и неразличения реальности и ее миражей – с другой. Духовный инфантилизм, потребительская психология, наличие разрушительных импульсов, подавляемых комплексов и т.п., иногда с очевидностью выступающих в подобных явлениях, способны вызвать страх перед неизвестными (не поддающимися программированию) методами возможного раскрепощения человека и понимание того, что изменение его может не только быть эволюцией вверх, но и грозить падением, нисхождением, деградацией, обозначающими путь вырождения... Человек в определенном смысле может быть истолкован как форма (выступления), которая может изменяться, вмещающая новое содержание; сверхчеловек выступает как результат движения вверх по отношению к исходному человеку.

Остротой всех этих (и множества других) проблем, таящих в себе как опасность редукции целостной природы человека, так и возможную (притом с разных и порою неожиданных сторон) угрозу самому существованию мира, объясняется в определенной степени несколько алармистское звучание данной проблемы. И принятие той или иной «идеи человека» в аутентичности его природы означает и столь же определенный подход к пониманию мира и к оценке путей его возможного развития. Бытие разворачивается как диалог человека с миром, они взаимно создают друг друга. Поэтому мир творится человеком, и человек должен осознавать свою ответственность за становление содержания и формы мыслимого и

выстраиваемого им мира. Сознание человека, ставшее планетарным явлением и выступающее неотъемлемым ингредиентом мирового бытия с помощью создания человеческой культуры, сообщившей развитию необратимый (в принципе) характер, позволяет человеку активно и направленно воздействовать на мир, а возрастающие научно-технические его возможности переводят эту способность в план непосредственно практический, что реально может определить то будущее, которое ожидает планету, определить судьбу мира.

Можно в целом сказать, что учет соображений контекста, особенностей процесса развития и условий реализации незаурядного явления переводит, казалось бы, отвлеченное обсуждение проблемы сверхчеловека во вполне практическую плоскость, а возможный результат развития процесса по своему значению делает обсуждение остроактуальным. Вопросы и подходы, представлявшиеся утопическими, но на протяжении долгого времени вновь и вновь овладевавшие человеческим умом и воображением, часто на самом деле представляют собой именно существенные вопросы, имеющие для него своего рода *основополагающее* значение, жизненно важный смысл или же являются некой особой болевой точкой, актуализирующейся в особые исторически значимые моменты выбора главных стратегий развития.

Разговор о сверхчеловеке *на самом деле* как нельзя более актуален. Во-первых, потому что речь фактически идет о восстановлении реально должного образа и представления о человеке, каким он видится по высшему замыслу и по возможности. Ведь, как выяснилось, прогресс обратим. Например, археологи при раскопках обнаруживают, что несколько тысячелетий назад тогдашние врачи делали такие операции на мозге, которые только еще осваиваются современными передовыми учеными. А наши так называемые современные технологии часто оказываются бледными подобиями тех технических находок, которые были известны в древних земных цивилизациях. И если прогресс в самом деле оказывается обратим, надо ли позволять инерции поворачивать историю вспять и снова и снова ходить по своим же старым следам? Но для творческого продолжения истории человек должен осознать себя – таким, каков он должен быть в поступательном своем развитии, а не в затухающей инерции, которая кажется столь уютной нетребовательному к себе современному массовому человеку.

Итак, можно сделать заключение о реальной актуальности проблемы сверхчеловека, которая по своему содержанию, пафосу, значению и последствиям имеет общекультурный характер и общечеловеческое значение. Представляется, что программа сверхчеловека имеет смысл и этическое оправдание, если она *помогает* человеку понять себя и занять правильное место в диалоге с развивающимся миром, если направлена против ухода человека из бытия, против его нравственного вырождения, против угрозы со стороны как бы незаметно, но весьма последовательно и настойчиво оформляющегося *античеловечества* и того порядка мира, который может быть построен в этой античеловеческой парадигме, – в разноразмерных и многоликих его проявлениях, в его лукавых соблазнах и устремленности к антиценностям (власть, деньги – все олицетворения энтропии в ее бездонности, все лики хаоса в его обманчиво-бесплодном разнообразии...). И сверхчеловек – и это принципиально – в аутентичном и последовательном его понимании действительно выступает как *антагонист* – однако не человеку, но становящемуся угрозой для мира *античеловеку*.

Итак, сверхчеловек – это человек, способный последовательно, ответственно и действенно сопротивляться возможной инволюции в себе, варварству в обществе; он способен грамотно работать с самим собой, изживая в себе негатив разнообразной природы и содержания, корректируя тенденции к деградации (нравственной, духовной, волевой...). Он обладает способностью к творчеству, создает образ должного и желаемого будущего; он обладает и способен проявлять необходимую волю для последовательного осуществления этого будущего. Он способен к росту, ибо умеет учиться, и постоянно учится преодолевать материал – в жизни, в искусстве.

Такой человек свободен и выбирает себе достойную Человека цель; при этом он не столько *выбирает* цель по своим силам, сколько умеет по необходимости *напрягать* все возможные и требуемые силы для *избранной* им достойной и высокой цели (в соответствии с известным принципом «не по силам цели выбирай, а по цели силы напрягай»). И чем выше цель, тем больших усилий она может потребовать для своей реализации. При этом человек движим не так называемой волей к власти, а сознанием необходимости своей деятельности и своей личной ответственности за избранное и выполняемое им дело. Поэтому сверхчеловек борется не

против каких-либо других – он в *себе* сегодняшнем преодолевает остатки себя вчерашнего, готовясь стать завтрашним. Истинно сильный и уверенный в себе, он хочет мира. Потому что строит Будущее.

Сверхчеловек, по представлениям, должен быть бессмертен (так, например, Пифагор почитался сыном бога Гермеса...). И действительно, для истинного сверхчеловека – даже смерть еще не есть повод, чтобы уйти совсем, отказаться от своих идей, убеждений. Идеи такого сверхчеловека остаются жить – в той или иной реальности (убеждения, ценности, результаты, последователи, ученики...). Создавая образ должного и желаемого, он обладает волей к последовательному осуществлению *будущего*. Мир существует, пока в нем существует Человек, устремленный к реализации в себе Сверхчеловека; не станет Человека – и разрушится весь Миропорядок. И если такой человек входит в хаос – то только для того, чтобы *организовать* его.

Сверхчеловек живет в собственно человеческом и истинно человеческом измерении, где почитаемы справедливость, честь, истина, совесть. Сверхчеловек – в идеальном варианте его аутентичного понимания – предстает как *новый, более совершенный тип человека*, способный выстроить *новый способ отношений с миром, новый уровень взаимодействий* с ним на основе полноты знания и себя, и мира. Это по сути своей Человек Настоящий, который мыслится таким, и каким он *должен* собственно быть.

Образ сверхчеловека – это призыв к современному человеку «пожелать и посметь» стать истинным человеком, сверхчеловеком по напряжению своей воли к добру и должному, по напряжению души к ответственности, по дерзанию смель стать сильным, чтобы осуществить должное. Как гласит восточная мудрость: у тебя есть ноги, так что же ты притворяешься хромым?

Конечно, когда человек хочет стать человеком, он должен сначала проснуться – очнуться от лени, пассивного бездействия, найти решимость сделать сознательный шаг. Но несмотря на существующее в человеческой культуре представление о сверхчеловеке, в том числе и данный Ницше яркий образ его гордого и требовательного сверхчеловека как *призыв* к современному «человеку обычному», – нельзя что-либо показать тому, кто не желает и не готов видеть. Ведь известно: для того чтобы сделать первый шаг – надо сначала проснуться... И пусть на дворе хмурое и туманное

утро – солнце взойдет, если этого захочет зрелый, ответственный Человек.

Хотелось бы надеяться, что XXI век окажется не только временем великих переломов, но и временем самоопределения для каждого человека, каждого народа и для всего человечества. Для этого нужно не только изменение отношения человека к миру, но и изменение самого человека, который сейчас возводит основы цивилизации, призванной помочь ему жить лучше, в то время как ему пора и необходимо *самому становиться лучше*. Это очень простое, но и самое трудновыполнимое требование. Восстановление *идеи человека* в полноте ее смысла и функций есть и основа человеческой культуры, и ее задача на XXI в. – развитие человека и человечества против их самоизживания в энтропии (нравственной ли деградации, чуждых природе человека бессмысленных войнах и т.д.). Общей же задачей культуры остается формирование Человека, который осознанно поведет мир не к хаосу, деградации и распаду, а к установлению более совершенного, более гармоничного человеческого порядка.

Список литературы

1. Бердяев Н.А. Философия свободы: Смысл творчества. – М.: Правда, 1989. – 608 с.
2. Бехтерева Н.П. Магия мозга и лабиринты жизни. – М.; СПб.: Сова, 2007. – 382 с.
3. Бодрийяр Ж. Символический обмен и смерть. – М.: Добросвет, 2000. – 387 с.
4. Бодрийяр Ж., Ясперс К. Призрак толпы. – М.: Алгоритм, 2007. – 272 с.
5. Брагин В. Поколение €700. – СПб.: Крылов, 2010. – 416 с.
6. Генон Р. Традиционные формы и космические циклы: Кризис современного мира. – М.: Беловодье, 2004. – 302 с.
7. Дебор Г. Общество спектакля. – М.: Логос, 1999. – 224 с.
8. Зиновьев А.А. На пути к сверхобществу. – М.: Центрполиграф, 2000. – 639 с.
9. Лотман Ю.М. Воспитание души. – СПб.: Искусство, 2003. – 624 с.
10. Маслоу А.Г. Дальние пределы человеческой психики. – СПб.: Евразия, 1997. – 430 с.
11. Маслоу А. По направлению к психологии бытия. – М.: ЭКСМО-Пресс, 2002. – 272 с.
12. Минаев С. Духless: Повесть о ненастоящем человеке. – М.: АСТ, 2008. – 346 с.
13. Ницше Ф. Соч. в 2 т. – М., 1990. – Т. 1. – 832 с.
14. Ницше Ф. Воля к власти: Опыт переоценки всех ценностей. – М.: Культурная революция, 2005. – 880 с.
15. Павленко А.Н. Цивилизьяна: (Закон обратного отношения индивидуации и дезиндивидуации человека) // Полигнозис. – М., 2008. – № 2. – С. 75–86.

16. Пелевин В.О. Generation «Р»: (Памяти среднего класса). – М.: ЭКСМО, 2007. – 384 с.
17. Пелевин В.О. S.N.U.F.F. – М.: ЭКСМО, 2012. – 480 с.
18. Пелевин В.О. Бэтман Аполло. – М.: ЭКСМО, 2013. – 512 с.
19. Пелевин В.О. Любовь к трем цукербринам. – М.: ЭКСМО, 2014. – 448 с.
20. Самохвалова В.И. Контуры постдействительности // Полигнозис. – М., 1999. – № 2. – С. 20–38.
21. Самохвалова В.И. Сверхчеловек: Образ, метафора, программа. – М.: Ваш формат, 2015. – 400 с.
22. Соловьев В.С. Соч. в 2 т. – М., 1988. – Т. 1. – 688 с.
23. Успенский П.Д. Новая модель Вселенной. – СПб.: Чернышев, 1993. – 410 с.
24. Федоров Н. Философия общего дела: В 2 т. – М.: АСТ, 2003. – Т. 2. – 592 с.
25. Фукуяма Ф. Конец истории? // Вопросы философии. – М., 1990. – № 3. – С. 84–118.
26. Фукуяма Ф. Конец истории и последний человек. – М.: АСТ, 2004. – 588 с.
27. Чернышев Б. Софисты. – М.: КомКнига, 2010. – 176 с.
28. Hardison O.B. Disappearing through the Skylight: Culture and Technology in the XX century. – London: Penguin books, 1990. – 416 p.